

УДК 364.044.68(73):(470.43)

**«ГОЛОД ВЫЗВАЛ НЕСКРЫВАЕМУЮ РАДОСТЬ У НАШИХ ВРАГОВ»:
ОБ ОТНОШЕНИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ К ЗАРУБЕЖНОЙ ГУМАНИТАРНОЙ
ПОМОЩИ ВО ВРЕМЯ ГОЛОДА НАЧАЛА 1920-х ГОДОВ**

© 2015 Ю.Ю. Аншакова

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г.Самара

Поступила в редакцию 15.10.2015

Во время голода начала 1920-х годов Советской России оказывали помощь многочисленные иностранные благотворительные организации, представлявшие буржуазные страны. В статье анализируется официальная риторика советской власти относительно самого факта буржуазной помощи, а также целей, масштабов и значения деятельности иностранных миссий помощи в России.

Ключевые слова: голод начала 1920-х годов, Самарская губерния, Американская администрация помощи, Фритьюф Нансен, квакеры, Межрабпом, Всероссийский комитет помощи голодающим, международная гуманитарная помощь.

«...Но вовсе не мертва деревня. Организованно борется деревня за жизнь. Но не под силу Поволжской деревне эта борьба... Проблески... В благородном сиянии истинной человечности как ты одинок в своей среде холодных расчетливых буржуа, Фритьюф Нансен! Ты был здесь, на этих равнинах, пораженных грозной гангреною... Бледным, светлым обликом с мягкой улыбкой на добром, человечном лице ты склонился над ними... И бессилие твоей ласки почувствовали они. Легким проблеском прошел ты, оставив такой тонкий след. В сумерках гаснущего буржуазного Запада, знаем мы: одиноко горит твой светильник! Как ничтожен отблеск, тобой зажженный! Как жалок отклик на твой сердечный призыв! Жадной ненавистью загораться способно сердце буржуазного Запада, надежно огнеупорно оно для призывов человечности. Сумерки гниющей в роскоши паразитно-буржуазной культуры и зловещая тьма умирающей в нищете с голоду Советской деревни»¹.

В начале 1922 г., когда председатель Самарского губисполкома и губкомпомгола В.А. Антонов-Овсеенко писал эти, без сомнения, эмоциональные строки, в губернии голодало более 1,9 млн. человек (68% населения)², губерния считалась эпицентром голода, в советских пунктах питания помощь получали 307 тыс. человек, что касается «буржуазной помощи», то Американская администрация помощи (АРА) кормила 252 тыс. детей, американские и английские квакеры – 65 тыс., Шведский Красный Крест – около 17 тыс. детей и взрослых и т.д., всего более 550 тыс. человек получало зарубежную продовольственную помощь³. Казалось бы, впечатляющие цифры, и в дальнейшем они будут только увеличиваться: так, АРА в конце июля будет кормить 1,247 млн.

жителей губернии, остальные зарубежные организации оказывали помощь приблизительно 390 тысячам человек; на тот момент число жителей губернии составляло 2,4 млн. человек, все население губернии (100%) считалось голодающим⁴. В целом же в России, по разным оценкам, голодало от 25 до 40 млн. человек, из них не менее 5 млн. умерло от голода⁵.

Однако в действительности оценки и подходы, подобные прозвучавшим в призыве Антонова-Овсеенко, были типичными для официальной риторики советской власти относительно иностранной помощи, что было вызвано рядом внешне- и внутривнутриполитических причин. Будучи нацеленной на советского гражданина, эта риторика имела важную задачу: идеологически верно объяснить, почему в стране разразился голод, кто «на самом деле» в нем виноват, почему буржуазный Запад помогает, почему с голодом не можем справиться самостоятельно и т.д. К слову, упомянутые Антоновым-Овсеенко «сумерки гниющей в роскоши паразитно-буржуазной культуры» были вполне заметны в самой губернской столице, не говоря уже о Москве. Так, по свидетельству В.А. Посса, направленного с питпоездом из центра в голодающие местности, в Самаре «нэп нагло бросался в глаза. Гастрономические и кондитерские магазины торговали недурно, виноторговля – превосходно. В театрах столичные гастролеры делали полные сборы. Сознательные граждане играли в карты, писали стихи и танцевали, танцевали до утра и до упаду»⁶. Вторит ему в своих наблюдениях и руководитель Самарского округа АРА Уильям Шафрот: «Самара выглядела очень оживленно. Трамваи, электрические огни, современные здания, рестораны и кондитерские, театры и кинематограф – веселье в полном разгаре. Только дома можно почувствовать, что голод действительно существует. Да еще многочисленные крестьяне, такие слабые, что еле могли волочить ноги, пере-

Аншакова Юлия Юрьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник. E-mail: pfiri@ssc.smr.ru

ходили от дома к дому, прося милостыню, а на перекрестках дети в лохмотьях тянули монотонно молитвы, прося избавления от голода»⁷.

Исходным моментом в истории возникновения зарубежных организаций помощи голодающим России можно считать август 1921 г., за исключением «Общества друзей» (квакеров), которое с перерывами осуществляло благотворительную деятельность в России с 1916 г. В начале июля 1921 г. Максим Горький по просьбе советского правительства выступил с обращением «Ко всем честным людям», в котором призывал оказать помощь в борьбе с голодом. Обращение было отправлено в Норвегию Фритюфу Нансену, на тот момент – верховному комиссару Лиги Наций по репатриации военнопленных. В ответной телеграмме Нансен писал Горькому, что соразмерную постигшей Россию беде помощь могут оказать только американцы, и посоветовал сосредоточить усилия в этом направлении. Кроме того, сам Нансен предпринял определенные действия, в результате которых завязался обмен телеграммами между Горьким и Гербертом Гувером, председателем Американской администрации помощи (АРА). В результате этой переписки и переговоров 20 августа 1921 г. в Риге был подписан договор между советским правительством и АРА, по которому последняя обязалась кормить ежедневно в течение года 1 млн. детей. Впоследствии эта цифра была существенно увеличена: на пике своей активности (август 1922 г.) АРА ежедневно обеспечивала продовольствием почти 10,5 млн. человек – и детей, и взрослых, а также продлила работу до лета 1923 г. Помимо этого, реализовывалась масштабная программа медицинской помощи, поставлялась одежда и т.д.

Продолжил работу по организации помощи России и Фритюф Нансен. 15 августа 1921 г. в Женеве начала работу конференция, на которой присутствовали представители организаций Красного Креста европейских стран, Ватикана, различных общественных, в том числе благотворительных и пацифистских, организаций. В результате было принято решение отправить в Москву делегацию во главе с Нансеном для заключения договора с советским правительством, который был подписан 27 августа. Вокруг Нансена объединилось около 20 организаций, некоторые из которых имели собственный аппарат по оказанию помощи, а некоторые перечисляли средства в фонд Нансеновской организации. Впоследствии были заключены договоры и с другими организациями, в частности, с Французским Красным Крестом, Ватиканом, американскими меннонитами и т.д. Ресурсы, которыми располагали работавшие в России организации, существенно различались. Так, АРА получила серьезное финансирование от американского конгресса, в то время как почти все остальные организации функционировали в основном на пожертвования. Стоит отметить, что

некоторые европейские правительства, в отличие от американской администрации, были принципиально против оказания помощи России, считая это поддержкой большевизма и практически признанием советской власти.

Предложенная иностранными государствами и благотворительными организациями помощь советским голодающим, в первую очередь детям, не только обрадовала советское правительство, но и встревожила его: возникло серьезное опасение, что под видом продовольственной помощи буржуазные страны будут проводить внутри страны антисоветскую пропаганду или осуществлять шпионскую деятельность. Е. Ярославский выразил это следующим образом: «И вот, постигший Россию голод внушил нашим врагам мысль, что именно он поможет им свершить то, что они были бессильны сделать блокадой, бесчисленными фронтами, поддержкой белогвардейских генералов, всевозможными интригами против нашей страны и другими средствами... Голод вызвал нескрываемую радость у наших врагов». Далее автор подчеркивает: «Враги наши вынуждены помогать нам даже против своей воли. Конечно, они постараются ограничить эту помощь минимальными размерами. В самом деле, смешно читать о тех, сравнительно крошечных затратах, которые сейчас предлагаются буржуазными правительствами. Если бы, скажем, английское правительство истратило на помощь голодающим хотя бы половину того, что оно истратило на борьбу с большевиками, на помощь Врангелю, то этим бы была покрыта значительная доля нашей нужды»⁸. Отметим, что тезис о том, что затраты буржуазных стран на гуманитарную помощь России не идут ни в какое сравнение с расходами на антисоветскую деятельность, помощь белым и особенно участие в интервенции, был довольно популярным в агитационных материалах.

Подобными публикациями отмечен весь период работы иностранных благотворительных миссий в России, хотя имелся один деликатный момент: откровенно и беспощадно бичевать злонамеренную буржуазную помощь было слишком некрасиво в условиях, когда в самой России эффективно трудились на фронте борьбы с голодом сразу несколько благотворительных организаций из этих стран, получавших финансирование как из частных пожертвований, так и из правительственных ассигнований. Кроме того, репортажи о поступлении иностранных продовольственных грузов в пик голода, осенью 1921 - весной 1922 г., вселяли надежду в отчаявшихся получить спасение людей. Однако неспособность страны справиться с голодом своими силами дискредитировала не только конкретное правительство, но и саму идею новой советской власти, социалистического строя, что вызвало необходимость ведения более или менее аккуратной контрпропаганды, замалчивания хода работы, объемов

и результатов зарубежной буржуазной помощи. Стремясь лишить зарубежные миссии помощи ореола спасителей и благодетелей, советские власти и пресса преуменьшали значение их работы, а также приписывали им корыстные мотивы, при этом постоянно бодро рапортовали о собственных успехах.

Так, В.А. Антонов-Овсеенко в одной из своих агитационных брошюр, содержащей его выступление перед представителями голодающих губерний в июле 1922 г., утверждает, что причиной голода является мировой капитал, который злонамеренно «подорвал наши силы, изнурил наше хозяйство. Своего верного союзника – голод вызвал он против нас». Однако, характеризуя «помощь буржуазной заграницы», далее он пишет: «Конечно, нам много помогли и заграничные буржуазные организации... Господа буржуазные филантропы откликнулись на голод в Поволжье. И кое-где (в Америке, Швейцарии) откликнулись довольно широко. На первое июня доставлено в Россию из заграницы для голодающих до двадцати пяти с половиной миллионов пудов различных продуктов. Из них АРА – 22 миллиона пудов. К первому июня одних советских столовых было открыто в голодных губерниях свыше 7000, а столовых заграничных организаций до 9500». Несмотря на это, конечно, ведущая роль в победе над голодом принадлежит советской власти, ее эффективным и решительным мерам: «Великая работа была проделана и нашими продовольственными и земельными органами, начиная от Наркомпрода и Наркомзема до уездных их отделов», и эта похвала завершается звучим цинично в данном контексте упоминанием продразверстки (которую, безусловно, можно считать одной из основных, если не основной причиной голода): «Умели взять, сумели и дать», говорят о них в похвалу крестьяне у нас на Поволжье. Хорошо, толково, споро поработали»⁹.

Отметим, что своеобразным тестом в отношении к буржуазной помощи стала работа Всероспомгола. Еще в июне 1921 г. ряд общественных деятелей, в частности, С.Н. Прокопович, министр продовольствия во Временном правительстве, его супруга Е.Д. Кускова и другие, обратились к советскому правительству с предложением о создании общественного комитета по борьбе с голодом. Посредником и здесь выступил Максим Горький, с которым была знакома Кускова. Создание «буржуазного комитета помощи», с точки зрения властей, могло облегчить установление контактов с иностранными правительствами, поэтому 21 июля 1921 г. декретом ВЦИК был создан общественный Всероссийский комитет помощи голодающим¹⁰. Как писал в «Правде» Карл Радек, «во всяком случае, это сотрудничество удовлетворит потребности буржуазных правительств в «общественных элементах», которых они желают видеть приобщенными к работе, чтобы спокойно и смело оказывать помощь голодающим российским крестьянам»¹¹.

Между тем в одном из агитационных сборников, вышедших в 1921 г., отмечается, что причиной образования неправительственной организации помощи голодающим является, «как всегда», страх за собственную жизнь (имеются ввиду инициаторы создания комитета): «В обычное время буржуазное общество высасывает соки из трудящегося народа, держит его в нужде и нищете, вследствие чего неизбежно возникают и голод, и эпидемии. А когда беда разразится, они кричат «караул», и в лице наиболее сознательных элементов бросаются тушить пожар, чтобы не сгореть самому». Автор подчеркивает, что комитет получит от советского правительства всякую поддержку и защиту и, кроме того, «может быть полезен еще тем, что сумеет привлечь помощь заграничных общественных организаций». Однако, оптимистично и идеологически верно заключает автор, основную помощь голодающим крестьянам могут оказать и окажут не буржуазные деятели, не иностранцы, а сами же крестьяне из неголодающих регионов: «Братская взаимопомощь трудящихся – вот самый верный и надежный способ борьбы с голодом»¹².

Краткую историю существования Всероспомгола довольно ярко характеризует в своих воспоминаниях В. Ходасевич: «Уже с весны сделалось невозможно скрывать, что в России, в особенности на Волге, на Украине, в Крыму, свирепствует голод. В Кремле, наконец, переполюжились и решили, что без содействия остатков общественности обойтись невозможно. *Привлечение общественных сил было необходимо еще для того, чтобы заручиться доверием иностранцев и получить помощь из-за границы.* Каменев, не без ловкости притворявшийся другом и заступником интеллигенции, стал нащупывать почву среди ее представителей, более или менее загнанных в подполье. Привлекли к делу Горького. Его призыв, обращенный к интеллигенции, еще раз возымел действие. Образовался Всероссийский комитет помощи голодающим, виднейшими деятелями которого были Прокопович, Кускова и Кишкин. По начальным слогам этих фамилий Комитет отчасти получил дружески-комическую, но провиденциальную кличку: Прокукиш. С готовностью, даже с рвением шли в Комитет писатели, публицисты, врачи, адвокаты, учителя и т.д. Одних привлекала гуманная цель. Мечты других простирались далее. Казалось – лиха беда начать, а уж там, *однажды вступив в контакт с живыми силами страны*, советская власть будет в этом направлении эволюционировать – замерзающий мотор общественности заработает, если всю машину немножечко потолкать плечом. Нэп, незадолго перед тем объявленный, еще более окрылял мечты... Скептиков не слушали. Председателем комитета избрали Каменева и заседали с упоением. Говорили красиво, много, с многозначительными намеками. Когда за гра-

ницей узнали о возрождении общественности, а болтуны высказались, Чека, разумеется, всех арестовала гуртом, во время заседания, не тронув лишь «председателя»¹⁵.

В определенном смысле в схожем положении оказалась и Русская Православная Церковь. 23 июля «Нью-Йорк Таймс» напечатала воззвание патриарха Тихона к епископу Нью-Йоркскому и архиепископу Кентерберийскому о помощи голодающему населению России. Примечательно, что ни одна советская газета не напечатала полный текст воззвания, единственной публикацией стала краткая заметка в газете «Известия ВЦИК» под заголовком «Давно бы так», в которой после сухой констатации: «Патриарх Тихон обратился к архиепископам Нью-Йоркскому (Соед. Штаты) и Кентерберийскому (Англия) с призывом придти на помощь хлебом и медикаментами пострадавшему от неурожая и эпидемий населению России», следовали ироничные комментарии¹⁴. Таким образом, внутри страны факт участия патриарха в деле спасения голодающих либо замалчивался, либо искажался, а с началом кампании по изъятию церковных ценностей нападки на церковь и антицерковная пропаганда достигли своего апогея.

Еще одним, пусть и не самым важным фактором во взаимоотношениях между иностранными организациями и советским правительством было отношение к голоду и помощи Советской России со стороны русской эмиграции. В эмигрантской прессе шло бурное обсуждение как перспектив зарубежной помощи, так и помощи со стороны самих эмигрантов. В.А. Маклаков следующим образом суммирует сложившуюся картину: «Одни злорадствовали несчастью, которое постигло большевиков в уверенности, что эта катастрофа сбросит их власть. Другие, не надеясь на это, были уверены, что под влиянием голода большевикам придется идти на уступки, на сотрудничество с разумными элементами, к усвоению разумных методов, а потому большевизму все же конец; либо он провалится на попытках сохранить свою монополию и будет сброшен, либо будет поглощен другими элементами и видоизменится до того, что с ним можно будет помириться. В зависимости от этих двух надежд намечались и две тактики. Те, кто думал, что голод сбросит большевизм, логически заключали, что если так, то покуда он его не сбросил, с голодом бороться не следует, чем хуже, тем лучше... Большинство находило, что нельзя оставаться безучастным к голоду, нельзя допустить десятки миллионов умирать, словом, что нужно помогать; но помогать на известных условиях, так, чтобы не только большевизм на этом не укрепился, а напротив, чтобы этим его доканать. Эта точка зрения сделалась очень быстро общерусской»¹⁵. Более того, раздавались голоса о том, что голод нужно использовать как предлог для военной интервенции¹⁶.

Советским властям позиция белой эмиграции по этому вопросу была хорошо известна (регулярные обзоры эмигрантской прессы составлялись и для Помгол ВЦИК), и по понятным причинам до некоторой степени она экстраполировалась и на зарубежную помощь: то, что эмигранты высказывали напрямую в своих изданиях, вполне могло являться скрытыми «истинными намерениями» иностранных благотворителей, что, безусловно, добавляло подозрительности без того напряженным отношениям между советской властью и иностранными миссиями как на государственном, так и на местном уровне.

«Неправильным» буржуазным филантропам активно противопоставлялся филантроп «правильный» – Фритьоф Нансен. Его деятельность по борьбе с русским голодом, без сомнения, является настоящим подвигом гуманизма и силы духа, однако и сам Нансен признавал, что результаты деятельности Нансеновской миссии были не столь значительны в сравнении с масштабом работы АРА. Неустанное подчеркивание в советской прессе заслуг Нансена позволяло высказывать благодарность за иностранную помощь, но так, чтобы прозвучали все необходимые идеологические акценты: помощь Нансена не столь велика, сколь могла бы быть, т.к. западные страны лишь изображают из себя благотворителей, на деле же рады постигшим Россию несчастьям, в награду за помощь собираются диктовать молодой Советской республике свои условия, а также под видом помощи разграбить разоренную и измученную войной и интервенцией страну. Характерно, что даже предшествующая биография великого полярного исследователя преподносилась в соответствующем ключе: «Да, пока Нансен пробивался через великие льды и мертвые пространства, неизбежно стояла всемирная капиталистическая темница. А душно и тесно живет человеку в этой темнице. Пытливый исследователь завоевывает новые истины и открывает новые земли – но он работает лишь для кучки, накапливает духовные богатства для немногих». В настоящий же момент «Нансен стоит на распутье... Он не пришел к пролетариату, борющемуся и погибающему за новое общество. Но он оторвался от буржуазного мира... Ибо на полях Поволжья, где голод бродит по селам, где смерть справляет свой праздник, с новой силой возвещает о себе простая, но великая истина. Буржуазия стала классом, сеющим смерть. Есть только один класс, ведущий борьбу за жизнь, войну против смерти. Этот класс – наш класс. Этот класс – пролетариат»¹⁷.

Помощи буржуазной советские власти активно пытались противопоставить помощь пролетарскую, связанную с деятельностью образованного в августе 1921 г. Международного рабочего комитета помощи голодающим России. Если Нансеновская организация состояла из представителей различных благотворительных

организаций, то Межрабпом состоял из членов политических партий и объединений. Вилли Мюнценберг, секретарь организации, так рассказывает о создании Межрабпарта: «Но первая в мире Советская республика имела вне своих границ не только одних врагов. Ей бились горячо навстречу сердца пролетариев всех стран, видевших в Советской России надежный оплот всего пролетариата. И чувства эти воодушевляли не только борьбу с постигшим его голодом. Призыв этот встретил могучий отклик». Автор особо подчеркивал, что Межрабпаром руководят люди, пользующиеся полным доверием мирового пролетариата, и его помощь радикально отличается от помощи буржуазных стран: «Там была филантропия общественного типа. Инициаторы этой помощи сами были виноваты в отчаянном положении российского пролетариата, изможденного блокадой и гражданской войной. Буржуазные организации стремились даже использовать саму эту помощь в целях ведения среди голодающих антисоветской пропаганды. Те же самые буржуазные страны, которые своей блокадой и интервенцией причинили России столько бедствий и страданий, являлись теперь в роли милосердных утешителей, заботящихся о своих жертвах»¹⁸.

То, что при этом буржуазная помощь на порядки превосходила помощь пролетарскую, нуждалось в дополнительных разъяснениях. Очевидным был тот факт, что рабочие мира, желавшие помочь Советской России, просто не располагали какими-либо серьезными материальными ресурсами для этого, однако это не объясняло значительных масштабов помощи буржуазной. И тут в дело вступали нападки на грабительский характер экономики западных стран, а также часто встречающийся в агитационных материалах тезис о кризисе перепроизводства в США: «Америка так богата зерном, что фермерам приходится прибегать к сжиганию его, ибо за время войны и блокады, благодаря хорошему урожаю и отсутствию вывоза хлеба, закрома их стали ломиться от излишков... Если бы у американской буржуазии и правительства, их политические убеждения не взяли бы перевес над коммерческим интересом, если бы нежелание помочь Советской России, не было так сильно, то одна Америка без малейшего напряжения и даже с прямой выгодой могла бы вывезти Россию из тяжелого положения»¹⁹. И подобная позиция доминирует в агитационных материалах и разнообразных публичных отчетах о борьбе с голодом советской власти и иностранных организаций: за помощь, конечно, спасибо, но в целом она выгодна самим дарителям, необременительна и невелика по сравнению с тем, что на самом деле можно было бы сделать.

Отметим, что меркантильный интерес – один из самых частых мотивов, приписывавшихся большинству иностранных миссий помощи.

Многим большевикам само словосочетание «буржуазная филантропия» казалось оксюмороном, но и среди обывателей, рядовых граждан, получателей помощи было весьма распространено мнение о том, что иностранцев на самом деле интересует разведка ресурсов страны – например, полезные ископаемые, шахты, чернозем – и их потенциальное приобретение, концессии, торговля и другие коммерческие планы. Чуть ли не единственной иностранной организацией помощи (помимо Межрабпарта, конечно), которой не приписывались – или приписывались крайне редко – какие-либо корыстные мотивы, оказалось «Общество друзей» (квакеров).

К примеру, в отчете Кустанайской комиссии Помгол отмечалось, что местные власти долго и настойчиво добивались того, чтобы иностранная помощь оказывалась и в их регионе, однако результаты этой помощи оказались неоднозначными. В частности, АРА работала огромным аппаратом, на ее содержание шли огромные расходы, но при этом давала меньше, чем квакеры. Вызывало недовольство как властей, так и части населения поведение некоторых представителей и инструкторов АРА (имеются в виду как иностранцы, так и российские сотрудники АРА. – Ю.А.), в то время как квакеры работают эффективно, тихо, незаметно, небольшим аппаратом, при этом не ведя никакой религиозной или идеологической пропаганды. В заключение авторы отчета просят ликвидировать работу АРА в губернии, а работу квакеров продолжить²⁰. На Саратовской губернской партконференции было заявлено, что к работе заграничных миссий «активно приmeshивается огромный процент политики. Цель же этих деятелей, помимо филантропии, дискредитировать советскую власть в глазах всего населения. Надо этого не допустить, но так, чтобы это не отразилось на желудках крестьян. И губком этого добился»²¹. Инструкции из ЦК Помгол на места, требовавшие не только оказания поддержки работе иностранных организаций, но и тщательного наблюдения за их деятельностью, ведения соответствующей агитации среди населения²² (см. также благодарственное письмо американцам и резолюцию на нем в Приложении), исполнялись местными властями довольно активно и ответственно.

Одна из примечательных в этом смысле историй произошла в городе Сарапул, который входил в Казанский округ АРА. Этот уезд начал получать американскую помощь только в июне 1922 г.: 14 июня туда с грузом продовольствия и медикаментов прибыл сотрудник миссии Пирсон. Тем же вечером в местном дворце труда прошло собрание, на котором Пирсон рассказал, что привезенного хватит для обеспечения 18 тыс. детей и пациентов больниц ежедневно в течение месяца, а вскоре придут и продукты для взрослых, тоже на 18 тыс. человек. Приехавший вместе с

Пирсоном доктор Дэвенпорт передал местному помголу запас тетравакцины на 30 тыс. человек, несколько бочонков рыбьего жира, градусники, мыло, одеяла и прочие крайне дефицитные на тот момент предметы.

Пирсону аплодировали, встреча шла в целом в дружелюбной обстановке, пока слово не взял секретарь профсоюза Якунин. По словам переводчика (американцы не владели русским), Якунин заявил, что Америка настолько богата, что для нее совершенно не сложно накормить такое большое количество людей. Более того, США не желают иметь дела с Россией, чему свидетельством является отсутствие Америки на Генуэзской конференции, и именно это отсутствие положило конец надеждам Страны Советов на дипломатический прорыв, официальное признание и заключение торговых соглашений. Это выступление вызвало аплодисменты, а Якунин продолжил выступление напоминанием о том, что придет тот день, когда американский пролетариат сбросит свое буржуазное правительство и протянет руку дружбы русскому пролетариату.

Первая часть его речи ничем не отличалась от официальной риторики своего времени и, хотя её нельзя назвать любезной, не содержала прямых нападок на АРА. К несчастью, на этом Якунин не остановился: по его дальнейшим словам, уже по одному виду (в некоторых пересказах – «рожам») Пирсона и Дэвенпорта видно, кого они представляют, и что их интерес – не столько благотворительность, сколько русские золотые шахты, и золота они вытрясут столько, сколько смогут. Единственной же причиной, по которой АРА вообще оказывает помощь, секретарь профсоюза назвал то, что этого потребовал американский пролетариат, поэтому только его и стоит благодарить. Последнее утверждение опять же было встречено бурей аплодисментов.

После окончания митинга переводчик смог разъяснить американцам происходящее, и Пирсон затребовал у председателя горсовета протокол с речью Якунина. Об инциденте было также сообщено Чайлдсу, главе Казанского округа АРА; последующие события напоминают дипломатический скандал. Отметим, что задел американцев не только приписывание им корыстных мотивов, но и фраза о свержении американским пролетариатом своего правительства. Американцы в лице Чайлдса требовали от местных властей объяснений и публичных извинений: «Мне не нужно говорить Вам, как больно каждому из нас, американцев в Казанском районе, осознавать, что наша 10-месячная работа оценена таким образом, и что позволяют себе забрызгать грязью наше доброе имя таким, как и доброе имя Американской администрации помощи в России. М-р Пирсон сообщил мне, что оратор говорил в присутствии 300 граждан сарапульцев, и речь его была встречена обильными

аплодисментами в тех местах, где речь шла о диффамации нашей работы, и того не могу не заключить, что это оказывается не только личным мнением одного человека». Советские же власти утверждали, что все происшедшее – лишь недопонимание, что аплодисменты вовсе не были бурными, присутствовавшие на собрании – это еще не все общественное мнение, да и вообще не слишком образованные провинциалы больше реагируют не на смысл, а на ораторское мастерство выступающего, а председатель Сарапульского совета принес Пирсону свои извинения. Разногласия дошли до Москвы, глава миссии АРА полковник Хаскелл воспринял ситуацию настолько серьезно, что рекомендовал Чайлдсу приостановить питание Сарапула до отзыва Якунина, в конце концов дело дошло до Президиума ВЦИК и лично Енукидзе.

Вероятно, никак не ожидавший такого поворота событий товарищ Якунин – ведь он не сказал ничего нового и нестандартного – написал заявление, в котором утверждал, что его неправильно поняли, и он в речи подразумевал не АРА, которая занята исключительно бескорыстной помощью голодающим, а правительство США, в случае же упомянутых шахт – все буржуазные правительства, ибо такова их капиталистическая сущность. Ну и поскольку победа социализма над капитализмом неизбежна, в речи было упомянуто о победе американского пролетариата. В заключение Якунин выразил уверенность в том, что человек имеет право свободно выражать свое мнение на своей земле²³.

В конечном итоге Якунина вызвали в Москву, видимо, с воспитательными целями, сарапульская газета «Красное Прикамье» напечатала опровержение, не забыв, однако, покритиковать АРА за угрозу отмены питания. Вся же эта история, «Сарапульский инцидент», наглядно демонстрирует, насколько непродуктивны и вредны стали устоявшиеся идеологические штампы в момент, когда Советская Россия искала того самого упомянутого Якуниным в начале своей речи прорыва в международной сфере, дипломатического признания и торговых соглашений.

Конечно, риторике времен голода далеко до идеологических стандартов работ последующего времени, в которых, к примеру, АРА разоблачалась как «орудие американского империализма в борьбе против советской России, в борьбе с революцией в Европе, в борьбе за мировое господство», чьей задачей была не помощь голодающим, а превращение голода в России в хроническое явление²⁴, а другие организации не упоминались вовсе. Однако, по всей видимости, советские власти переоценили степень воздействия факта иностранной продовольственной помощи на население: для людей важным было само продовольствие и спасение жизни, а политическая борьба, За-

пад, Америка не имели никакого значения (кстати, многие американцы отмечали, что далеко не все крестьяне – а именно они были основными получателями помощи – знали, что такое Америка²⁵). Таким образом, объективно деятельность зарубежных миссий помощи в России, имелись ли у них некие «скрытые цели», или нет, способствовала выходу из острейшего кризиса, преодолению разрухи и в конечном итоге укреплению советской власти.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Резолюция Собрания Уральского городского совета 1 января 1922 г.²⁶

Мистеру Кляпп, представителю Американской администрации помощи детям (на собрании присутствовало 400 человек)

Заслушав доклад о работе русско-американского комитета «АРА» о работе по оказанию помощи голодающим детям, Уральский городской комитет рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов выражает ГЛУБОКУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ представителю Америки мистеру Кляпп, американским рабочим и общественным организациям за энергичную материальную помощь в деле борьбы с постигшим стихийным бедствием, голодом на губернию.

Городской совет констатирует особо деятельную работу со стороны представителя Америки мистера Кляпп в деле широкого оказания помощи голодающим детям.

Городской совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов просит мистера Кляпп передать американским трудящимся массам, что оказываемая ими помощь в настоящее время будет возвращена сторицею, как только мы избавимся от нашего врага бича-голода.

Президиум Уральского городского исполнительного комитета

С подлинным верно (подпись)

Рукописная резолюция
К немедлен. исполнению

Направить копию в Секретариат ЦК РКП с указанием, что такое рекламирование АРА политически нежелательно.

Подпись (Ландер)
15/II – 1922

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Антонов-Овсеенко В. К твоей совести, читатель // Книга о голоде. Экономический, бытовой литературно-художественный сборник. Самара, 1922. С.3-4.
² Ужасы голода в Самарской губернии (Новогодний номер «Известий Самарского губсоюза»). Самара, 1922. №1. С.27-28. Отметим, что для подсчетов стати-

стиками была взята численность населения губернии за лето 1921 г., к зиме она, очевидно, существенно сократилась.

- ³ Деятельность Самарской губернской комиссии помощи голодающим. По отчетам (за декабрь 1921 – июнь 1922 г.). Самара, 1922. С.14-16.
⁴ Центральный Государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. Р-79. Оп.1. Д.167. Л.302об.-304; Д.2. Л.130, 264, 326.
⁵ Орлов И.Б. Между «Царь-голодом» и «Товарищем Урожаем» (1921-1922 гг.) // Социальная история. Ежегодник, 2001/2002. М., 2004. С.467.
⁶ Поссэ В.А. Нэп и голод // Русское прошлое: историко-документальный альманах. 1993. Кн.4. С.298.
⁷ *Shafroth Will*. The Fact-Story of the Russian Famine. *New York Evening World* // Hoover Institution Archives (далее – НИА). ARA Russian Unit (далее – ARA Russia). Box 81. Folder 8 (далее – 81:8). Article VI.
⁸ Ярославский Е.М. Вокруг голода // Вестник агитации и пропаганды. 1921. №18. С.1-3.
⁹ Антонов-Овсеенко В.А. Закрепим нашу победу! Слово к рабочим и крестьянам председателя конференции голодающих губерний. М., 1922. С. 3, 6-7, 9.
¹⁰ См. об истории Всероспомгола подробнее: Макаров В.Г., Христофоров В.С. К истории Всероссийского комитета помощи голодающим // Новая и новейшая история. 2006. №3. С.198-205.
¹¹ Радек К. Мы, голод и они // Правда. 1921. 2августа.
¹² Карпинский В. Все на борьбу с голодом // На борьбу с голодом (Сб. статей и м-лов). М., 1921. С. 88-89.
¹³ Ходасевич В. Собр. соч. Т.4. М., 1996. С.358. *Выделение наше* – Ю.А.
¹⁴ Известия ВЦИК. 1921. 10 июля. №149; см. подробнее: Петров С.Г. Документы делопроизводства Политбюро ЦК РКП(б) как источник по истории русской церкви (1921-1925). М., 2002. С.41-45.
¹⁵ «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметьев – В.А. Маклакову. Переписка 1919-1951 гг. Т.1. М., 2001. С.438-439.
¹⁶ См. например: Бюллетень Народного комиссариата иностранных дел. 1921. №95. С.1-8.
¹⁷ Книга о голоде... С.6-9.
¹⁸ Мюнценберг В. Три года Международной рабочей помощи // Три года Международной рабочей помощи 1921-1924. М., 1924. С.5.
¹⁹ Каменева О.Д. Организация помощи голодающим за границей // Бюллетень ЦК Помгол ВЦИК. 1922. №5-6-7. С.13.
²⁰ Итоги борьбы с голодом (Отчет Кустанайской губернской комиссии помощи голодающим о положении губернии и деятельности с начала голодной кампании по июнь 1922 года). Кустанай, 1922. С.22-23.
²¹ Цит. по: Виноградов С.В. Экономическое развитие Поволжья в период нэпа 1921-1927 гг. Астрахань, 2001. С.14.
²² Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). Ф.1064. Оп.7. Д.8. Л.307.
²³ Там же. Д.23. Л.116, 117 с об., 121, 123, 128, 131 с об., 133, 134, 138 с об.; Childs J. *Rives*. Red Days in Russia // НИА. ARA Russia. 7:12. P.278-289.
²⁴ Сташевский Д.Н. Провал экспансионистских планов США в отношении Советской России в 1921-1922 гг. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев, 1953. С.9-10.
²⁵ См. об этом: Анишкова Ю.Ю. Советская Россия начала 1920-х годов глазами американского очевидца

//Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т.10. №4. С.1085.
²⁶ ГА РФ. Ф. Р-1058. Оп.7. Д.26. Л.18. Копия, резолюция

- оригинал. Адресовано Джону Клэппу, сотруднику Саратовского округа АРА, открывавшему питпункты АРА в Уральске.

**«OUR ENEMIES COULD'T HIDE THEIR JOY OVER THE FAMINE»:
ON SOVIET AUTHORITIES ATTITUDE TOWARDS INTERNATIONAL RELIEF AID
DURING THE FAMINE OF 1921-1923**

© 2015 Yu.Yu. Anshakova

Volga Branch of Institute of the Russian History of the RAS, Samara

Various Western international relief organizations provided humanitarian aid to the starving Russian population during the famine of 1921-1923. The paper deals with the official Soviet rhetoric towards the fact of the «bourgeois» help, activities of the relief organizations, «true» goals, size and significance of their work.

Keywords: famine of 1921-1923, Samara region, American Relief Administration, Fridtjof Nansen, Quakers, International Workers Aid, All-Russian Famine Relief Committee, international relief aid.